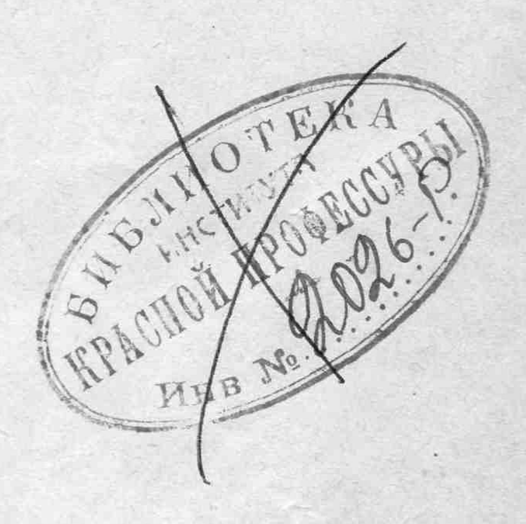


ГОЛОСЪ МИНУВШАГО

ЖУРНАЛЪ ИСТОРІИ и ИСТОРІИ ЛИТЕРАТУРЫ,

издаваемый при постоянномъ участіи въ редакціи
А. К. Дживелегова, С. П. Мельгунова,
П. Н. Сакулина и В. И. Семевскаго.



№ 12. Декабрь. 1913.



ОГЛАВЛЕНІЕ.

I. Статьи:

II. Воспоминанія:

III. Романъ.

IV. Матеріалы:

V. Обзоръ журналовъ.

VI. Критика и библіографія.

М. В. Буташевичъ-Петрашевскій.

(Біографическій очеркъ преимущественно по неизданнымъ матеріаламъ).

IX.

Окончаніе слѣдствія.—Военный судъ.—Исполненіе приговора.

Неожиданно случилось весьма важное событіе, совершенно подорвавшее всю систему защиты Петрашевскимъ его самого и его товарищей по заключенію: Спѣшневъ, какъ мы уже знаемъ, чтобы убѣдить членовъ комиссіи въ справедливости своего заявленія относительно найденной у него подписки, далъ подробное показаніе о двухъ обстоятельствахъ, совершенно неизвѣстныхъ комиссіи, а именно, о разговорахъ своихъ и Петрашевскаго съ Черносвитовымъ относительно возможности возстанія на Уралѣ, Волгѣ и на Дону и объ обсужденіи предложенія Момбелли о товариществѣ взаимной помощи. Комиссія была въ восторгѣ и, разсмотрѣвъ показаніе Спѣшнева, въ засѣданіи 2 іюня, нашла, что онъ «изложилъ» его «добросовѣстно». Тотчасъ же было постановлено разыскать и арестовать уѣхавшаго изъ Петербурга Черносвитова и немедленно приступить къ формальному допросу Петрашевскаго по поводу показанія Спѣшнева.

Несдержанность Спѣшнева страшно возмутила Петрашевскаго, и онъ былъ совершенно сбитъ съ толку. Въ эту минуту комиссіи удалось вырвать отъ него нѣсколько неосторожныхъ словъ, которыя, очевидно, его и заставили немедленно записать; таково, вѣроятно, происхожденіе слѣдующаго отрывочнаго показанія, находящагося въ его дѣлѣ безъ даты между его запискою 30 мая и отвѣтами на формальномъ допросѣ:

«Спѣшневъ сталъ говорить о томъ, что онъ считаетъ возможнымъ произвести бунтъ чрезъ возстаніе крестьянъ, но (sic).

«Черносвитовъ говорилъ, что надо всѣхъ запереть и разомъ хватить.

«Спѣшневъ говорилъ, что ему надо снестись съ какимъ-то обществомъ, но какъ о семъ онъ мнѣ прежде никогда ничего не говорилъ, и къ тому же зная любовь его прихвастнуть (полагалъ?), что сношеніе это съ обществомъ есть вымыселъ. Въ этомъ еще болѣе убѣждали меня слова: «дай прикинусь коммунистомъ и главою коммунистовъ».

Весь тонъ этихъ строкъ, обнаруживающихъ раздраженіе противъ Спѣшнева, котораго онъ нѣсколько дней тому назадъ защищалъ, и противъ Черносвитова, недописанныя фразы,—все это показываетъ, въ какомъ волненіи находился Петрашевскій, давая это показаніе. Допросъ его начался тутъ же, въ засѣданіи комиссіи 2 іюня. Видя изъ самой постановки вопросовъ, что ей уже все извѣстно, онъ обыкновенно кратко подтверждалъ сказанное въ вопросѣ, при чемъ чувствуется сильное раздраженіе противъ Спѣшнева и Черносвитова. Петрашевскій далъ отвѣты на обычные вопросы о возрастѣ, воспитаніи, мѣстѣ службы [1]), заявилъ, что сношеній «ни внутри государства, ни за границею не имѣлъ». На вопросъ: «въ чемъ состояло вліяніе, произведенное на васъ прибытіемъ Черносвитова въ С.-Петербургъ въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1848 г.», Петрашевскій отвѣчалъ, что оно было, «кажется, болѣе схожее съ вліяніемъ человѣка возмутительнаго и желающаго возмущенія, что я съ полнымъ чистосердечіемъ могу сказать. Мои взаимныя сношенія (съ Черносвитовымъ) всѣ состояли въ нѣсколькихъ посѣщеніяхъ, которыя онъ мнѣ сдѣлалъ; не помню, какую книгу, кажется, Organisation du travail или еще что-то ему далъ; когда мнѣ у него случалось быть, бывали другіе; всегда же его направленіе рѣчей было проникнуто возмутительнымъ духомъ». Затѣмъ Петрашевскій подтвердилъ нѣкоторыя, уже извѣстныя комиссіи, слова Черносвитова и Спѣшнева [2]).

Слѣдственная комиссія, какъ видно изъ журнала ея дѣйствій, нашла, что Петрашевскій «еще не вполнѣ обнаружилъ истину на счетъ сношеній своихъ съ Черносвитовымъ и самимъ Спѣшневымъ».

Допросъ Петрашевскаго продолжался 3, 9 и 10 іюня. О себѣ онъ сказалъ, что такъ какъ «о возстаніи никогда не думалъ, то способовъ къ возстанію никакихъ не видѣлъ». Когда ему предъявили его слова о Спѣшневѣ: «разумѣется, можно строить химеры, но надо говорить серьезно», Петрашевскій объяснилъ ихъ такъ:

---

[1]) Между прочимъ, онъ упомянулъ, что былъ у исповѣди и причастіи въ 1848 г., но въ одной позднѣйшей запискѣ заявилъ, что сказалъ неправду.

[2]) Далѣе онъ упомянулъ о вредномъ даже на него самого вліяніи Черносвитова и о томъ, что это вліяніе устраняло «ученое изложеніе» обсуждаемыхъ вопросовъ. Въ позднѣйшей запискѣ, представленной 3 іюля, Петрашевскій говоритъ объ этихъ допросахъ: «Сильно разстроенный мщеніемъ Спѣшнева, я пишу подъ вліяніемъ этихъ чувствъ. Мнѣ объявляютъ, что все къ моему и другихъ облегченію будетъ сдѣлано. Послѣ усыпленія такимъ образомъ моего вниманія съ необыкновенной ласковостью предлагаютъ нѣсколько вопросовъ о фурьеристскомъ обѣдѣ. Мнѣ задаютъ вопросъ: «не предложена ли была мною пропаганда соціальная, соединенная съ политическою», говорятъ, что другіе объ этомъ словесно показали, тогда какъ на обѣдѣ слово пропагаторъ не было сказано. Показываютъ мнѣ отдѣльную фразу, весьма красную, но не дописанную и говорятъ, что бумаги не войдутъ въ вопросы. Говорятъ, что фурьеристъ и бунтовщикъ тоже. Присовокупляютъ, что вопросъ о собраніяхъ явится на сцену черезъ двѣ недѣли, чтобъ готовилъ представить защиту».

«Къ тому же бесѣда о предметахъ ученыхъ и искусствахъ закономъ не воспрещается». (Онъ ссылается на примѣчаніе къ ст. объ обществахъ въ Угол. улож. изд. 1845 г. [1]). «Ужель потребности разума поставлены ниже потребностей желудка? Для желудка вездѣ представляются законные способы для удовлетворенія его нуждъ,—для ума — нигдѣ!!

«Что же отыскало худого» въ его поведеніи «двухмѣсячное тщательное изслѣдованіе? А вотъ что именно. Нѣкто, г. Черносвитовъ, agent provocateur, въ этомъ теперь меня все убѣждаетъ, въ концѣ прошедшаго года является ко мнѣ, пытается сбить меня съ толку. Но это ему не удается, почему онъ обращаетъ свое вниманіе на одного изъ моихъ знакомыхъ, сближается съ нимъ съ цѣлью вмѣстѣ на меня подѣйствовать. Наконецъ, видя безуспѣшность этого, рѣшается меня компрометировать. Посылаетъ нарочно за мной, подготовивъ къ сему предварительно Спѣшнева, придумываетъ для этого исторію объ расположеніи Сибири къ бунту. При этомъ разсказѣ волею-неволей присутствую, вовсе не раздѣляя расположеній, обнаруженныхъ при семъ ни тѣмъ, ни другимъ. Даже послѣ этого расхожусь совершенно съ г. Спѣшневымъ» [2]).

Не считаетъ себя виновнымъ Петрашевскій и въ томъ, что сблизилъ двухъ своихъ знакомыхъ, «самостоятельно развившихся»—Момбелли и Спѣшнева—и въ томъ, что затѣмъ присутствовалъ при бесѣдахъ, не имѣвшихъ никакихъ послѣдствій, «въ надеждѣ установить самостоятельную философскую школу русскую». Далѣе, Петрашевскій, не безъ остроумія, объясняетъ слѣдователямъ, какъ «сочинилось обвиненіе и составился доносъ». Приводимъ это мѣсто тѣмъ охотнѣе, что здѣсь многое, къ сожалѣнію, совершенно не устарѣло.

«Кому-то, разумѣется, г. обвинителю, понадобились деньги, а пожалуй, и заслуга, виновный или вина. Выгоднѣе двухъ воронъ однимъ камнемъ убить. Задумавъ это, г. обвинитель такъ самъ съ собою разсуждалъ: «Не помню хорошо, что значитъ либерализмъ, но помню, что нѣкогда либераловъ преслѣдовали. Нынѣ на соціалистовъ криво глядятъ. Значитъ, соціализмъ и либерализмъ одно

[1]) Въ ст. 353 Уложенія о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ указывается размѣръ штрафа за учрежденіе общества, хотя безъ всякой противной порядку, спокойствію, нравственности и вообще законамъ цѣли, и именно правительствомъ не воспрещеннаго, но безъ разрѣшенія и вѣдома надлежащаго начальства, а затѣмъ пояснено: «Подъ симъ, однакожъ, не разумѣются обыкновенныя, хотя и въ назначенное заранѣе время, но безъ всякихъ особыхъ положеній, бывающія собранія для занятій науками, искусствами, словесностью...» 2-е Пол. собр. зак., т. XX, отд. I, стр. 668.

[2]) Далѣе Петрашевскій утверждаетъ, и говоритъ, что можетъ доказать это свидѣтельскими показаніями, что Черносвитовъ, передъ отъѣздомъ изъ Петербурга, распустилъ слухъ о томъ, что онъ, Петрашевскій, «агентъ тайной полиціи».

и то же. Говорятъ, что всякій образованный человѣкъ есть либералъ. Ученый—либералъ, про себя думающій. Писатель есть либералъ дѣйствующій; какъ живой человѣкъ, онъ не можетъ не желать лучшаго, желаетъ лучшаго,—слѣдовательно, противникъ существующаго и т. д. Всего лучше запустить руку въ кругъ, не чуждый литературѣ и учености. Литераторы это кладъ. У всякаго есть статьи нецензированныя и нецензурныя. Всякая недозволенная цензурою статья, по тому самому, что есть, есть уже нѣчто само въ себѣ предосудительное, запрещенію подлежащее, т.-е. преступное. Всякое слово, неосторожно сказанное, недосказанное, есть выраженіе злого умысла, всякая неловкая фраза есть писанное покушеніе и т. д. Какъ обвиненіе будетъ сдѣлано въ преступленіи важномъ, государственномъ, то обыкновенныя формы слѣдствія не будутъ соблюдается. Цѣль оправдать должна средства, мелочного уваженія къ законамъ и справедливости въ гг. слѣдователяхъ быть не должно,—это дѣло необыкновенное. Почему обвинять можно смѣло въ замыслѣ государственнаго преступленія,—какая-нибудь вина должна же открыться. Слѣдователя обязанность въ этомъ дѣлѣ—во что бы то ни стало добыть виноватаго, если же не находится, то польза государственная требуетъ во что бы то ни стало сочинить, создать и преступленіе, и вину, и виноватаго. Какъ вы видите, гг. слѣдователи, у обвинителя не худой былъ планъ въ смыслѣ стратегическомъ. Оставалось его ему самому во всѣхъ частяхъ выполнить... Въ городѣ давно извѣстно, что я соціалистъ-фурьеристъ. Кругъ знакомства у меня не самый малый. Человѣкъ же я не пронырливый, слѣдовательно, беззащитенъ, совершенно не имѣю за себя ни одной сильной руки, которая могла бы меня въ случаѣ несчастія поддержать, къ тому же гордъ и немножко самонадѣянъ. Самъ не безграмотенъ и знаюсь съ людьми не малограмотными. Это г. обвинителя и заставило меня избрать въ примадонны этой комедіи или драмы. Погибель мою онъ считалъ неизбѣжною, разсчитывая на страхъ, на всѣхъ наведенный ужасною клеветою на меня, взведенной устрашающей обстановкой и нерадостной перспективой будущаго, какую представлялъ нашъ захвать и засадка въ крѣпость. Не попадись ему я, былъ бы выбранъ другой».

Обвинитель не разсчиталъ только, что онъ встрѣтитъ обвиняемаго, который, не отпираясь ни отъ одного изъ дѣлъ своихъ, ссылками на статьи закона докажетъ, что всѣ его дѣйствія «не только законны, но и похвальны... Чѣмъ бы ни кончилось это дѣло, но какъ на челѣ Каина Богъ начерталъ печать отверженія по убійствѣ имъ Авеля, такъ и я на челѣ моего обвинителя самыми словами его же обвиненія напишу слова: «злодѣй и невѣжа»; убѣжденіе въ этомъ проникнетъ въ сердца всѣхъ, кто будетъ разглядывать это дѣло, слова моего осужденія прильнутъ къ обви-

нителю, прожгутъ черепъ его до мозга, стоустая молва разнесетъ ихъ, и правда въ дѣлѣ семъ откроется». Но Липранди не только не стыдился своей роли въ этомъ дѣлѣ, а въ началѣ 1870-хъ годовъ самъ сообщилъ свою записку о дѣлѣ Петрашевскаго редактору «Русской Старины» для напечатанія, гордясь своими заслугами въ дѣлѣ раскрытія пропаганды Петрашевскаго и петрашевцевъ.

Защищая себя, Петрашевскій не забываетъ и о товарищахъ:

«Отъ всѣхъ у насъ слышатся жалобы на недостатокъ въ людяхъ способныхъ, горреванья о безлюдьѣ. Глядя на это дѣло, посмотрите тоже на будущее Россіи, на вліяніе его въ нравственномъ отношеніи, чрезмѣрной строгостью не убейте надолго самостоятельность головы русской... Нужды общественныя увеличиваются, потребность въ людяхъ тоже. Если загублены будутъ люди хорошо образованные, мѣсто ихъ займется, по необходимости, людьми полуобразованными, неимѣющими ни нравственнаго, ни религіознаго чувства, ни философскаго воззрѣнія для своего руководства. Когда не изъ кого выбирать, выборъ всегда неудаченъ. Хорошій хозяинъ всегда оставляетъ запасъ на неурожайный годъ. Правило частнаго благоразумія примѣните къ хозяйству общественному. Быть-можетъ, уголовное слѣдствіе открыло вамъ нѣсколько людей способныхъ (я знаю нѣкоторыхъ, которые, при благопріятныхъ обстоятельствахъ для ихъ развитія, могли бы сдѣлаться не только людьми извѣстными, но даже знаменитыми). Примите къ свѣдѣнію, (что изъ) людей способныхъ, вами открытыхъ, многіе еще очень молоды; пусть поокрѣпнутъ и поумнѣютъ еще, и тогда они могутъ быть употреблены съ пользою для общества.

«Вы видите, гг. слѣдователи, передъ собою въ нравственномъ или умственномъ отношеніи цвѣтъ петербургской, а, можетъ-быть, вмѣстѣ съ тѣмъ и всей русской молодежи; не будьте же Тарквиніями, не дайте враждебной рукѣ нанести тяжелый ударъ нашей общественности, и безъ того не роскошно расцвѣтшей. Не наводите на общество тишины могилы и безмолвія кладбища,—это въ предѣлахъ вашей власти. Толпы нравственныхъ уродовъ не есть зрѣлище, веселящее взоръ, а кретинизмъ общественный—не благодать небесная: онъ водворится, если убить въ обществѣ науку и остановить всякое свободное развитіе личности. Не ставьте же всякое лыко въ строку. Тамъ, гдѣ былъ худой преходящій помыселъ, не принимайте его за оставшееся намѣреніе, а тѣмъ болѣе за нѣчто похожее на умышленіе. Разъясните это, чтобы другіе ошибочно не приняли. Требуетъ отъ васъ этого и совѣсть, и чувство справедливости.

«Дѣлая о насъ представленіе, будьте болѣе нравственными философами, наблюдателями сердца человѣческаго, чѣмъ простыми слѣдователями, заботящимися о томъ, какъ бы винъ отыскать болѣе. Не ставьте намъ въ вину того, что было дѣломъ обществен-

наго устройства. Не привязывайтесь къ ненамѣренно и необдуманно сказанному слову, но изслѣдуйте нравственное чувство, движущее каждаго. Вникните въ обстоятельства жизни каждаго, разсмотрите побудительныя причины всего. Подчинитесь болѣе закону нравственному, въ сердцахъ вашихъ перстомъ природы написанному, чѣмъ холодной буквѣ, часто невѣрной, закона положительнаго. Будьте не инквизиторами, а друзьями человѣчества... Этого отъ васъ требуютъ настоящее и будущее Россіи, нравственныя потребности шестидесяти милліоновъ. За вашимъ рѣшеніемъ блюдетъ геній человѣчества, а въ лицѣ западной Европы еще при жизни ждетъ васъ судъ потомства!»

Далѣе Петрашевскій желаетъ поговорить со слѣдователями, какъ адвокатъ и юристъ. Всѣ, арестованные только въ качествѣ фурьеристовъ, должны быть освобождены отъ обвиненія и прикосновенности къ дѣлу. «Не они, а тѣ системы, которыхъ приверженцами они себя объявили, могутъ подлежать изслѣдованію или разсмотрѣнію комиссіи ученой, составленной не изъ людей съ заплѣсневѣлой ученостью. Это требуетъ и здравый смыслъ, и справедливость. Изъ того, что я, фурьеристъ, столкнулся съ людьми не моего направленія, нельзя за мои личныя отношенія винить систему,—скорѣе надо винить общественное устройство, которое ихъ ко мнѣ притти заставило. И то взять во вниманіе, что не я къ нимъ пришелъ, но они ко мнѣ.—За исключеніемъ изъ-подъ слѣдствія гг. соціалистовъ всѣхъ наименованій, мнѣ неизвѣстно, кто бы могъ подойти подъ судебное разбирательство, кромѣ насъ пятерыхъ, т.-е. меня, Львова, Дебу» (старшаго), «Момбелли и Спѣшнева. Дѣло же это не болѣе, какъ на двоихъ изъ насъ» (очевидно Петрашевскаго и Спѣшнева) «можетъ бросать нѣкоторую неблагопріятную тѣнь». Но если въ этомъ дѣлѣ противъ него, а можетъ-быть, и противъ другихъ обстоятельства сложились неблагопріятно, то слѣдуетъ предположить возможность суда. По этому поводу Петрашевскій вспоминаетъ поговорку: «Не бойся суда, а страшися судей», особенно въ дѣлѣ «политическомъ», гдѣ «всякій судящій жестокостью опредѣленнаго имъ наказанія подсудимому думаетъ доказать и свое усердіе, и гражданскія добродѣтели, и любовь къ общественному порядку, и свои небывалыя достоинства... Сужденіе о дѣлѣ нашемъ можетъ быть предоставлено или уголовной палатѣ, или правительствующему сенату—на обыкновенномъ положеніи. Разумѣется, тогда обвиняемые должны быть «допущены къ чтенію записокъ вчернѣ, подачѣ рукоприкладствъ, присутствованію при докладѣ, какъ сіе обыкновенно водится. Мнѣ для совершенія сего не нужна чужая помощь, но прочимъ моимъ созаключеннымъ совѣтъ стряпчаго или адвоката необходимъ, *и имъ долженъ быть предоставленъ свободный его выборъ*. Или, такъ какъ слѣдствіе по этому дѣлу было довѣрено не обыкновенной комиссіи, (а) особен-

ной, то весьма вѣроятно, что судъ можетъ быть порученъ особенной судной комиссіи. Во всѣхъ случаяхъ страхъ, мною выше обнаруженный, не исчезаетъ», т.-е. не исчезаетъ опасеніе за правильный исходъ процесса: для Петрашевскаго гарантіею справедливости рѣшенія является только судъ присяжныхъ. Онъ знаетъ, что въ Россіи это «небывалая доселѣ гарантія для обвиняемаго, но все же онъ думаетъ, что слѣдователи, «какъ особенная комиссія», могутъ ходатайствовать объ этомъ. «Будь года за три передъ симъ въ Берлинѣ, и Вѣнѣ введено jury, а въ Парижѣ réforme électorale» (реформа избират. системы), «не быть бы тамъ сумятицамъ», прибавляетъ онъ. Петрашевскій подробно объясняетъ и то, какъ слѣдовало бы устроить судъ присяжныхъ. Такъ какъ прикосновенными къ этому дѣлу являются все люди образованные, то списокъ присяжныхъ должно составить изъ лицъ, получившихъ образованіе въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, вызвавъ чрезъ публикацію въ полицейской газетѣ. Пусть высшіе государственные сановники и администраторы будутъ имѣть право отказаться. Пусть каждому изъ обвиненныхъ будетъ дано право устранить 12 человѣкъ изъ числа присяжныхъ безъ объясненія причинъ, отводить же другихъ слѣдуетъ дать имъ право на основаніи существующаго законодательства. Пусть каждый обвиняемый будетъ имѣть право самъ защищать себя или предоставить свою защиту другому, пусть они защищаются, читая или произнося словесно свою рѣчь. «Быть-можетъ, по новости дѣла у обвиненныхъ и не окажется хорошихъ защитниковъ, быть-можетъ, не все будетъ сдѣлано въ ихъ пользу и для ихъ оправданія, но зато ничто не можетъ заставить подумать ихъ самихъ или другихъ о томъ, что рѣшеніе дѣла было пристрастно. Быть-можетъ, наказаніе будетъ» тяжелѣе, «но никто не дерзнетъ въ этомъ дѣлѣ обнаружить неудовольствіе и обвинить кого бы то ни было въ пристрастіи и несправедливости.—Пусть судъ сей совершится гласно, пусть будутъ ему свидѣтелями родственники наши и тѣ, кому судъ разрѣшитъ» присутствовать [1]).

Петрашевскаго сильно мучило воспоминаніе о тѣхъ показаніяхъ, которыя онъ далъ относительно обсужденія предложенія Момбелли о братствѣ взаимной помощи, и 14 іюня онъ подалъ въ комиссію заявленіе, которое просилъ «во имя справедливости» пріобщить къ даннымъ имъ отвѣтамъ, и въ которомъ говоритъ: 1) что они пятеро не составляли никакого комитета, а только обсуждали предложеніе Момбелли; 2) «показаніе же, мною сдѣланное, что Спѣшневъ былъ причиною прекращенія бесѣдъ впятеромъ,.. сдѣлано было мною по движенію ненависти противу г. Спѣшнева

---

[1]) Записку эту Петрашевскій писалъ нѣсколько дней; она подписана такъ: «С.-Петербургская крѣпость. Алексѣевскій редутъ, исходъ второго мѣсяца заключенія и начало третьяго».